

1. ~~Лето в лагере~~

2. ~~Полет в лагере~~

3. ~~Лето в лагере~~

4. ~~Лето в лагере~~

Конец сезона

9.

10.

11.

12.

Лена Шумная

16+

Лена Шумная
Конец сезона

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шумная Л.

Конец сезона / Л. Шумная — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Безымянный герой проживает очередной год без особой цели. Кто он и чего хочет от жизни? Кажется, это неизвестно даже ему самому. Время — всего лишь тягучая материя, съедающая дни так быстро, что не успеваешь даже заметить, как настоящее становится прошлым. Кому тогда вообще нужны итоги года? Не нашему парню точно. «Конец сезона» — история, которая вполне могла произойти с каждым. Где угодно и с кем угодно. Кто знает, возможно, даже происходит с вами прямо сейчас.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Весна | 6 |
| Лето | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 16 |

Лена Шумная

Конец сезона

Always stays the same
Nothing ever changes

English Summer Rain,
песня группы Placebo

Весна

Стеклянные высотки взмывали в небо, прорезая прозрачный мартовский воздух словно нож масло, а лазурное полотно за ними раскинулось насколько хватало глаз. Кое-где виднелись белоснежные пушистые облака, но, сколько бы я не смотрел на них, они так и не двигались. Словно вырванные из реальности щелкнувшим затвором фотоаппарата, навсегда заперты на прямоугольном снимке. Задумывались когда-нибудь о том, что не бывает двух одинаковых фотографий неба? Оно постоянно видоизменяется и за сотни миллионов лет, что висит над Землей, вряд ли хоть раз повторило само себя.

От того, что я довольно долго просидел, задрав шею вверх, она изрядно затекла. Так что я опустил подбородок до груди, нащупал чуть ниже затылка выпирающие позвонки и как следует размял их пальцами. Напряжение немного отступило и я смог вернуть голову в привычное задуманное эволюцией положение. Расслабившись, я огляделся по сторонам: много ли изменилось за то время, что я, отключившись от реальности, пялился в небо? Наверное, это довольно забавно выглядело со стороны: опрятный на вид мужчина в самом начале своих тридцати, отложив в сторону сумку, сидит на скамейке в парке и, как ребенок, задрав голову высматривает что-то в весеннем небе без особой на то причины. Разве что слюна не стекает с уголков рта. Вот была бы картина!

Но никому особо до этого не было дела. Ни до меня, сидящего на скамейке в такую рань, ни до формы облаков на небе, ни до чего-либо еще. Все были настолько заняты своими будничными делами, что у них просто не было времени на такие глупости. В этом-то и есть несомненный плюс большого города: всем на тебя наплевать. Впрочем, это было взаимно. Эдакая негласная политика мегаполисов: делай что хочешь и не осуждай других. В переполненных людьми городах в каждый момент времени происходит слишком много событий, чтобы успеть угнаться за всеми. За своей бы собственной жизнью поспеть.

Сидя здесь, в тишине утреннего парка, где слышны только переклички дроздов, да жужжание слишком близко подлетевших шмелей, я понимал, насколько же ценны такие моменты. Когда можно вот так, никуда не торопясь, просто посидеть на месте и дать себе передышку.

Кстати, о поспеть... Сидя в парке я потерял счет времени и уже практически опаздывал на назначенную встречу с сестрой. Мы условились повидаться до начала работы. Вот, собственно, почему я и оказался здесь. Такси, которое я взял, чтобы добраться до этого района, попало в жуткую пробку. Ту самую, что парализуют движение на часы и заставляют сотни автомобилистов и их пассажиров, поневоле застрявших там, изрядно понервничать. Подозревая, что могу задержаться из-за трафика на дороге (все-таки, это мегаполис, не забывайте!), я вызвал такси на полчаса раньше. Однако, это все равно не спасло меня от бича, присущего всем крупным городам. Добавьте сюда перекрытые из-за ремонта дороги и получите идеальную формулу оправдания причины опоздания.

Но мне, можно сказать, повезло: пробка началась всего в паре кварталов от моего конечного пункта назначения. Минут пять-десять я продолжал сидеть в машине с надеждой, что вот-вот, с минуты на минуту, наш обездвиженный поток отполированных блестящих на солнце крыш сдвинется с места. От скуки я начал разглядывать соседние автомобили и их владельцев, но не обнаружил ничего примечательного. Все как обычно: справа – одетая с иголки семья в дорогом кроссовере и малышом лет десяти, увлеченного своим планшетом на заднем сидении; слева – эдакая бизнес-леди что-то быстро говорит в телефон и подкрашивает губы в зеркало заднего вида; сзади – обычный парень, каких тысячи, что-то напевает себе под нос, отбивая ритм по обшивке руля. Дорога будто великий социальный уравниватель. Не важно, насколько крутая у тебя тачка и сколько выходных рубашек висит у тебя в шкафу – ты все равно окажешься в одной пробке бок о бок с едва сводящих концы с концами владельцем кое-где уже

покрывшегося ржавчиной подержанного авто, который носит одни и те же джинсы уже не первый год. Это, наверное, единственный положительный момент пробок на дороге. Вынужденное равенство. А, хотя, нет. Еще один плюс – быть пассажиром такси. Ведь можно в любой момент завершить поездку и пойти пешком. Или, я не знаю, воспользоваться метро в конце-концов. Водитель же не может позволить себе такую роскошь и вынужден стоять в бесконечных пробках. Раз уж захотел иметь машину в городе, то, будь добр, смирись и перестань жаловаться на *этот кошмар*.

Я прикинул, что до кафе, где мы должны были встретиться с сестрой, оставалось совсем недалеко если пойти по прямой и срезать через парк. «Всего пятнадцать минут и буду на месте, – подумал я, – такси проторчит в пробке еще черт знает сколько». Так что я попросил водителя тормознуть в ближайшем кармане и расплатился, оставив чаевые (все-таки, это по моей вине он застрял тут, наверное, еще на час и вид у него, мягко говоря, был не очень радостный). Странная особенность больших городов: время до достижения конечной точки не всегда зависит от расстояния. Так, на своих двоих, я буду в пункте «Б» максимум минут через двадцать, а оставшись в такси, мог бы попасть туда и через все пятьдесят. Потому что машина, увы, должна ехать по правилам, а движение там – одностороннее. Вот и приходится двигаться со скоростью престарелой улитки по параллельным улицам, продираясь через пробку, пока не окажешься на месте (а еще и попробуй там припарковаться!). Собственные ноги, в данном случае, оказались лучшим решением. Впрочем, как и всегда. Да здравствуют мои ноги! Что бы я без них делал – ума не приложу.

Пока я шагал в сторону, противоположную от сигнализирующих машин (ох, наверняка, кое-кто из них мне изрядно позавидовал. Я едва сдержался, чтобы не показать неприличный жест в их сторону: «Удачи оставаться, придурки, а я – ухожу с гордо поднятой головой!»), вымотанных вынужденной обездвиженностью, зазвонил телефон. Сестра сообщила, что немного задержится («Пробки просто ужасные!»). Я ответил, что нет проблем («И не говори!») и положил трубку. «Боже, это просто невыносимо», – негромко пробормотал я себе под нос. Да, она была из тех, кто будет ехать в такси до последнего, потому что «все уже оплачено», а она явно не хотела терять ни крупинцы «полагающейся» ей выгоды.

Ну и ладно, пусть живет как есть, что уж теперь. Могу и потерпеть пару часов раз в полгода (наши встречи происходили примерно с такой частотой).

Я давно понял для себя одну вещь: переживать каждый раз, когда что-то идет не по плану – пустая трата нервов. Жизнь в принципе не может идти так, как нам хочется. Мне кажется, что это одно из тех правил, что существуют еще *с начала времен*. Просто каждый объясняет его для себя по-разному. Религиозные люди сказали бы: «Человек предполагает, а Бог – располагает». По мне, такая позиция – это перекладывание ответственности. Люди, конечно, те еще любители тешить себя надеждой, но думать, что какая-то высшая сила в образе всевидящего сознания следит за каждым твоим шагом и предостерегает от всякого дерьма – нерационально. Будто бы ему (если оно существует, конечно) есть до нас дело. Планирование событий – некая зона комфорта для человека. Вот почему ему так страшно, когда что-то идет наперекосяк.

Так что я просто старался воспринимать непредвиденные обстоятельства как шанс на что-то другое. Вместо того, чтобы злиться на пробку, сестру или весь этот чертов мир, я решил воспользоваться внезапно освободившимся временем и заглянуть в парк. Ну вы это и так уже знаете.

Кажется, засидевшись, я совсем забыл о времени, потому что для меня стало полной неожиданностью только что пришедшее сообщение от сестры «Ты где???»». Именно так. С тремя вопросительными знаками. Как минимум – она в недоумении, как максимум – крайне раздражена. «Вот черт», – выругался я и, подхватив сумку, помчался в сторону нужного кафе, набирая на ходу ответ («Буду через пять минут»).

К тому времени, как я добрался до места, сестра оккупировала один из столиков и уже успела разложить там свои вещи. Я всегда удивлялся ее способности, да и вообще, всех остальных женщин, что встречались мне когда-либо в жизни, моментально захламлять пространство вокруг себя кучей ненужного мусора. Бесконечные блокноты, ручки, книга, солнцезащитные очки, обычные очки, помада, несколько тюбиков крема для рук (на случай, если один из них неожиданно закончится?), расчески, наушники, всевозможные зарядки, лейкопластыри, санитайзер и еще с десяток разных предметов, вечных обитателей женских сумочек. Что творилось у них в квартирах, так и вообще представить страшно. Я уверен, даже если у кого-то из них и был идеальный порядок на полках в гостиной или все тюбики на полке в ванной стояли аккурат друг к другу, то где-то точно была потайная коробочка, в которой все свалено как попало. Она просто должна быть. В противном случае это уже не просто поддержание элементарной чистоты, а какой-то пунктик. А то и навязчивая идея. Никто не может поддерживать идеальный порядок везде. Скорее всего, такие люди не совсем дружат с головой и держаться от них стоит подальше.

Хотя, я встречал и таких девушек, которые не особо заморачивались с порядком. Я, привыкший к чистоте, по-возможности, сторонился таких женщин до тех пор, пока не начал с одной из них встречаться. Мы были вместе около года. Практически сразу она переехала ко мне и начала свою тихую военную кампанию против заведенного мною годами уклада. То забывала помыть посуду сразу после ужина или оставляла грязную ложку прямо на столе (на столе, представляете?), то носила одни и те же джинсы пару недель подряд, ела в постели и засовывала свои футболки под подушку перед тем, как лечь спать (это было за гранью моего понимания). Кроме того, она постепенно отвоевала у меня несколько моих любимых вещей и носила их не снимая. Так что мои некогда аккуратно выглаженные рубашки насквозь пропитались запахом ее духов и чем-то, похожим на разводы от красного вина и пятна от шоколада.

Меня это жутко бесило. По началу не так сильно – я просто старался не заикливаться на ее *особенностях* и грешил на невнимательность. Время шло, а я больше не мог продолжать мириться с ее дурными привычками. Каждая оставленная ею на столе кружка превращалась в скандал. Она искренне не понимала, почему я так заостряю на этом внимание и делала круглые глаза каждый раз, когда я начинал свою пламенную речь с заявлениями, что если так продолжится и дальше, то мы погрязнем в дерьме по уши. Может, она и хотела измениться ради меня, просто не знала как. Ее попыток поддерживать чистоту хватало ненадолго. Неделью-другую спустя, я снова находил стопку грязной посуды в раковине, а по вечерам, когда мы вместе смотрели фильм, вместо того, чтобы сосредоточиться на сюжете, я думал только о том, сколько крошек выпало из ее рта на только что застеленное покрывало.

В итоге мы расстались. Не скажу, что конкретно из-за ее неряшливости, но она точно была одной из главных причин. В лицо такое не говорят, так что я наплел какой-то бред о том, что нам больше не по пути и попросил оставить ключи в почтовом ящике, когда она будет уходить.

Пару недель я наслаждался чистым домом, пока не осознал одно: без нее мне было до задницы скучно. Вместе с ней из моей квартиры пропала непринужденность. Ее неряшливость была вовсе не показателем нелюбви к чистоте. Нет. Она просто считала это не самым важным в жизни. Основой ее философии и была как раз сама жизнь. Все время пыталась меня рассмешить, кусала за плечо, стоило мне только задуматься, пела на кухне во время готовки, когда в окна светило солнце – открывала шторы, предлагала рвануть с утра пораньше на рынок или провести вечер, болтаясь по улицам и заглядывая в окна вплотную стоящих друг к другу домов. Все время строила планы на какие-то поездки и рассказывала, как будет здорово, когда мы будем гулять по берегу океана или нестись по ночной дороге, горланя вовсю песни, чтобы не уснуть.

Она постоянно говорила про то, что время уходит и надо бы наполнить память, пока ту не совсем отшибло, приятными воспоминаниями. «Стоя одной ногой в могиле, никто не жалеет о том, что помыл в жизни мало тарелок», – все время говорила она, когда я начинал заводить разговор о грязной посуде. «Черт, но кому-то все равно приходится мыть эти дурацкие тарелки!», – начинал закипать я. «Да, тут ты прав. Но просто они не делают из этого трагедию», – отвечала она и, замолчав, скрывалась от очередного неприятного разговора в соседней комнате.

Кстати, напоследок, перед тем как уйти, она сделала самую тщательную уборку за все то время, что мы были вместе. Вымыла до блеска все чашки, разгребла хлам в ящиках, выкинула все просроченные продукты из холодильника и прикрепила на него записку «Надеюсь теперь ты доволен. Удачи. Целую, ХХХ». Я и правда был доволен. Несколько дней я наслаждался свободой и освободившимся пространством. Никто не оставлял посуду где попало и не трогал мои вещи. Но вместе с тем стало так пусто, что у меня на душе заскребли кошки. Я больше не слышал ее голос, что-то напевающий с кухни про лучший-в-мире-омлет, никто не будил меня звуком царапающей по паркету ножки кресла из-за того, что ей вдруг захотелось переставить мебель и не поднимал меня в несуетную рань, потому что нужно было поехать куда-то *прямо сейчас*. Мне дико не хватало ее оптимизма и непринужденности. Но это я понял уже слишком поздно. Дурацкие тарелки, будь они неладны.

С тех пор, кстати, мне так и не удалось толком сблизиться ни с одной девушкой. После нашего расставания у меня их было несколько, но ничем серьезным наши отношения не закончилось. Кроме того, у них были свои заморочки пострашнее не вымытой посуды. Одна из них была одержима идеей завести семью, другая – убеждена в том, что раз природа наградила ее отличающейся от моей промежностью и парой выпуклых грудей, то я должен спускать на нее все свои деньги, пока она обсуждает размер моего хозяйства с подружками за бранчем. Была еще одна, которая устраивала натуральную истерику из-за каждой мелочи. Будь то оставленная мною на рабочем столе чашка (иронично, не правда ли?) или мои попытки обсудить что-то серьезнее списка продуктов к ужину.

И все они, черт бы их побрал, так или иначе разбрасывали свои вещи. Так что, можно сказать, я смирился с этим фактом и больше никого не пытался *исправить*.

– Ну наконец-то! – всплеснула руками сестра, когда я приблизился к столику.

– Пробки, сама понимаешь, – пожал я плечами. Знать о том, что я отлично провел время в парке вместо того, чтобы сломя голову мчаться на встречу, ей было не обязательно.

– И не говори. Этот город меня убивает, – понимающе кивнула она, отпив кофе из чашки. – Я заказала нам перекусить. Ты ведь все еще не против омлета с беконом?

– А то! – бодро ответил я, вспомнив, что лучший-омлет-в-мире мне готовила та, что вечно разбрасывала вещи.

– Все в порядке? – бросила она на меня пронзительный взгляд.

– А то! – повторил я все тем же бодрым голосом, что, наверное, выглядело слишком уж наигранно.

– Ну, как знаешь, – пожала она плечами.

– Слушай, а пиво они тут подают? – спросил я, осматриваясь по сторонам.

– Это в девять-то утра? – смерила она меня надменным взглядом, какой обычно бывает у людей, считающих, что их собеседник – жалкий придурок.

– Пожалуйста, только не надо вот этих вот упреков, – сказал я. – Что, приличному человеку уже нельзя и выпить на завтрак?

– Да мне особо без разницы, – рассмеялась она. – Просто хотела тебя немного пристыдить, но, как видишь, не получилось. Тебя так просто не проймешь.

– А то! – снова повторил я с той же вызывающей интонацией, и мы вместе рассмеялись.

Когда знаешь человека с самого детства, у вас формируются особые отношения. Вы можете подкалывать друг друга, отчитывать, но все равно поддерживать и быть рядом, когда это нужно. По крайней мере, если у вас все сложилось. Сестра была на три года младше меня, но вела себя так, будто она тут – самая старшая и умудренная жизнью. Девочки всегда взрослеют быстрее, тут уж ничего не поделаешь.

У нас всегда были довольно неплохие отношения. Особенно после того, как не стало родителей. В тот момент мы поняли, что остались единственными родственниками по крови в этом мире и договорились не терять связь. Со временем, конечно, наши встречи становились все реже, но мы знали, что всегда можем позвонить друг другу или встретиться, ведь жили в одном городе, хоть и в разных его частях.

Отказавшись от идеи начинать день с бокала пива (у меня были кое-какие планы на день и ясная голова мне бы не помешала), я заказал обычный черный кофе за стойкой и вернулся к сестре, аккуратно лавируя между столиками с горячей кружкой в руках.

Весна – самое начало сезона летних террас в большом городе. Все кафе и рестораны, коим повезло иметь достаточно тротуара возле входа, вытаскивали запылившиеся за зиму столы и стулья на улицу, образуя еще с десятков-другой посадочных мест на радость любителям принимать пищу на свежем воздухе. Кофейне, в который мы встретились с сестрой, повезло больше других: она располагалась на углу дома с довольно большим прилегающим тротуаром, переходящим в пешеходную улицу. По периметру дома росли симпатичные невысокие деревья, так что владельцы кофейни выставили деревянные столы прямо под ними, чтобы крона давала приятную тень и позволяла гостям спрятаться от городской жары. Мы сидели как раз за одним из таких столов.

Как только я вернулся, сестра убежала в уборную. Не спеша потягивая кофе, я огляделся вокруг: солнечные лучи пробивались сквозь просветы между домами, танцую на еще не успевшем раскалиться асфальте; прохладный утренний воздух смешался с запахами первых цветов, кофе и выпечки; листья, перебираемые ветром, приятно шелестели над головой. Апрельская непринужденность витала в воздухе и мне это нравилось. Природа просыпалась, а вместе с ней – и весь мир.

Весна всегда была для меня периодом невероятного эмоционального подъема. Долгая зима заканчивалась и можно было вылезать из затянувшейся спячки, чтобы снова попробовать изменить свою жизнь (*уж в этом-то году точно получится*). Зеленая листва, синее небо, солнце, скользящее по стенам домов, запахи... Все вокруг вдохновляло меня и заставляло поверить, что плохие периоды остались позади и уж теперь-то точно понесемся вперед на всех парах! Мне хотелось петь и танцевать. В голове звучала давно забытая мелодия, а я отбивал ритм пальцами на коленке. Всегда так делал, когда задумывался о чем-то хорошем.

– Кто-то в приподнятом настроении сегодня, я смотрю? – сестра возникла у меня за спиной будто из ниоткуда.

– Черт! – от неожиданности я чуть не опрокинул на себя чашку. – Нельзя вот так подкрадываться к людям!

– Ой, ну извини, – рассмеялась она, протягивая мне салфетку. – Просто увидела, как ты сидишь тут довольный, словно намащенный кот. Залюбовалась даже. Давно не видела тебя в таком хорошем расположении духа.

– Окей, подловила! Ну знаешь, весна и все такое, – задумчиво сказал я. Настроение у меня и вправду было отличным.

– А знаешь, и ведь правда, весна уже в городе, – ответила она и внимательно начала смотреть по сторонам так, будто только сейчас заметила распутившиеся деревья.

Она вообще обладала удивительной способностью перенимать чье-то настроение. Кажется, этому даже есть особый термин в психологии (а чему нет?) – отзеркаливание. Думаю, что особо умелые журналисты, да и вообще все те, кто хочет расположить к себе собесед-

ника, без зазрения совести пользуются этим приемом. Сестра же делала это неосознанно – вот насколько у нее была развита эмпатия. Меня же с этим немного обделили. Наверное, когда нашей семье раздавали способность сопереживать – большая часть ушла именно сестре. Мне же достались жалкие крохи. Может быть, именно поэтому мне было так тяжело сходиться с людьми, да и, вообще, понимать их?

– Расскажешь, наконец, зачем ты меня позвала? – прервал я ее наблюдения за утренним городским пейзажем.

– А что, мне нужна какая-то особая причина, чтобы выпить с братом кофе? – ответила она и с неким вызовом посмотрела на меня.

– В общем смысле, может, и не нужна. Но сегодня-то ведь это не так? – ответил я и, чуть наклонив голову, заглянул ей в глаза.

Может, моей сестре и досталась эмпатия, но мне при рождении с лихвой отвалили проницательности. Так что с самого детства ни одна мелочь не могла укрыться от меня.

Проницательность, скажу я вам, может, и хорошая, но точно не самая простая штука на свете. Дело, ведь, вот в чем: одной врожденной проницательности недостаточно. Нужно развить еще кучу дополнительных навыков и иметь при всем при этом гибкий ум, чтобы правильно распознавать сигналы и верно их истолковывать, опираясь на уже имеющийся опыт. Без этих навыков толку от проницательности – ноль. Как от радиста, не знающего азбуку морзе.

Глядите-ка, хвалюсь тут своим умением распознавать, что у людей на уме. Кажется, скромности мне тоже особо не перепало.

Сестра молча смотрела куда-то вбок и неосознанно перебирала пальцами разноцветные брелоки на ключах, что могло значить только одно: она собирается сказать что-то, что мне не понравится. Я мог бы, конечно, надавить на нее и заставить выложить все как на духу прямо сейчас, но решил дать ей еще немного времени. Все-таки, у каждого человека есть право на то, чтобы высказаться тогда, когда он будет готов это сделать. Торопить его – не самая лучшая затея, ведь тогда все может пойти наперекосяк.

– Мне предложили работу в другой стране, – выпалила она.

– Ого! Поздравляю! – я округлил глаза.

– Да, спасибо... Начинать надо уже в следующем месяце, – сказала она, посмотрев на меня каким-то стыдливым взглядом.

– Пожалуйста, скажи, что ты согласилась, – я практически впился глазами в сестру.

– То есть, ты не против? – ее лицо мгновенно прояснилось.

– Что? Нет, конечно! Это же отличный шанс. Черт, малышка, я так рад за тебя!

– Уфф, словно гора с плеч, – сказала она и откинулась на спинку плетеного стула с таким видом, будто и правда освободилась от какой-то тяжелой ноши.

– погоди, ты что, думала, что я могу быть против? Да это ведь твоя жизнь в конце концов! Я не собираюсь засыпать тебя нравоучениями. Делай что нравится, пока можешь!

– Ой, тебя послушать, так ты уже умудренный жизнью старик, которого от могилы отделяет сотня-другая вздохов, – рассмеялась она.

– Ну, будем надеяться, что это не так, – тоже улыбнулся я в ответ и поднял чашку с кофе вверх на манер бокала.

Еще с час мы сидели под тенью деревьев. Допили эспрессо и заказали большой чайник чая. На завтрак я выбрал классический омлет с беконом, сестра – какую-то новомодную цветную штучку с красиво выложенными фруктами и орехами, о существовании которой я знать не знал до этого утра. Она рассказывала мне о том, как ее пугает мысль о жизни в другом месте; что не так-то просто будет сразу найти хорошую квартиру; понравится ли ей коллеги и примут ли они ее; сможет ли она делать свою работу настолько хорошо, чтобы оправдать надежды компании и о многом другом. «Столько всего надо успеть, ужас!» – говорила она,

качая головой. Но по тону было понятно, что ей страсть как нравится вся эта суета и, будь ее воля, она бы только и делала, что готовилась к поездкам.

Такое часто случается с людьми. Предвкушение чего-то бывает намного волнительнее самого события. Если период подготовки затягивается, то это жутко выматывает эмоционально. Такой вот парадокс: человек перегорает уже во время ожидания и, когда наступает момент X, уже не способен насладиться им сполна. Разочарование, как по мне, вполне предсказуемый финал марафона больших надежд. Когда пересекаешь финишную черту – тебе уже все до лампочки.

Через три с половиной недели нас с сестрой будут разделять порядка полутора тысяч километров. Там, в кафе, мы условились, что я обязательно подвезу ее до аэропорта в назначенный день. Я прекрасно представлял себе, как все будет дальше. Три с половиной недели пролетят незаметно. Сестра подготовит для меня коробку с памятными семейными вещами, которые она не сможет взять с собой, и прикажет мне строго-настрою хранить ее (скорее всего, коробка просто переедет с ее антресоли на мою). Когда настанет день отъезда – мы оба будем немного нервничать, но также будем стараться всеми силами это скрыть, притворяясь, что это никак не выходящий из ряда вон день. Затем, по дороге в аэропорт, мы остановимся на заправке, чтобы взять кофе. Пока я буду заправлять полный бак и ждать заказ, сестра будет сидеть на пассажирском месте и с грустью глядеть в окно, думая что-то вроде: «Ну вот и он, последний раз, когда брат берет мне кофе». Я же, заметив ее грустный взгляд, помашу рукой сквозь толщу невымытого стекла и разведу руками, мол, «Боже, как можно так долго готовить две чашки кофе!». Она помашет мне в ответ и улыбнется. И никто не проронит и слова о том, что это, все-таки, не самый веселый наш совместный день. Просто все будут делать то, что *должны*.

Застрыв в пробке на выезде из города, мы оба начнем немного нервничать. Сестра будет поглядывать на часы, приговаривая что-то вроде «А вдруг там будет еще очередь на паспортный контроль? А что, если рейс задержат?» и все в таком духе. Моей же задачей будет успокоить ее и отпустить пресную шутку: «Ну, значит, никуда не полетишь». Рано или поздно пробка закончится и мы помчимся по прямой до терминала. На прощание у нас будет от силы минут десять-пятнадцать, потому что именно столько времени отведено аэропортом для бесплатной парковки. Мы обменяемся крепкими объятиями и обещаниями созваниваться не реже раза в неделю, а переписываться так и вовсе минимум раз в три дня. Я потреплю ее по голове, еще раз крепко прижму к себе и, держась за открытую дверцу автомобиля, буду смотреть, как она катит свой чемодан ко входу. Еще раз помашу рукой, подниму большой палец вверх и сяду за руль ровно в тот момент, когда автоматические раздвижные двери аэропорта бездушно закроются за ее хрупкой фигурой, спешащей на паспортный контроль.

Я сяду в машину и двинусь по направлению к шлагбауму, думая о том, не закончились ли отведенные талоном бесплатные минуты. Щелчок, зеленый свет – и вот я уже несусь по шоссе обратно в сторону города, гадая, сколько времени понадобится нам, чтобы позабыть о своих обещаниях и окончательно потерять связь. По моим подсчетам – пару месяцев. Полгода в лучшем случае. Получается, что когда мы созвонимся, чтобы поздравить друг друга с Рождеством, то поймем, что это первый наш разговор за последний месяц. Ну, что ж, такова жизнь. Мы, конечно же, пожалеем об этом, но только тогда, когда не станет одного из нас, а другой будет силиться вспомнить, когда и о чем был последний разговор, и надеяться, что он был вполне нормальным. Таким, которому не стыдно было бы стать «последним разговором». Ну и надеяться, что в конце мы сказали «Люблю». Так нас, хотя бы, не будут мучить угрызения совести. Ну или будут, но чуть меньше.

День X, кстати, прошел, как я его себе и представлял, так что не вижу надобности пересказывать это все в подробностях. Просто один человек подвез другого до аэропорта, а тот – улетел. Вот и все.

Приехав домой, я открыл банку пива и плюхнулся в кресло на балконе. Когда я только въехал в эту съёмную квартиру, то был недоволен тем, что лоджия не застеклена. Даже подумывал о том, чтобы поставить окна в счет квартплаты, но со временем свыкся с имеющимся балконом и научился даже находить удовольствие в том, чтобы в хорошую погоду вот так, вечером выйти на него и смотреть, как на город опускается ночь. Даже кресло купил специально. При переезде придется, конечно, оставить его здесь. Надеюсь, следующий жилец оценит мои старания.

Больше ничего особо примечательного я в съёмную квартиру не приобретал, несмотря на то, что обновить обстановку тут бы точно не помешало. Когда видел отличный винтажный письменный стол на рынке или потрясающую стойку для журналов в дизайнерском магазине, то мне стоило невероятных усилий отговорить себя от их покупки. Я понимал, что при переезде они обернутся нехилой головной болью. Так и жил. Не позволяя себе что-то большее, потому что все время переживал за то, как мне придется в будущем расплачиваться за свои действия. Впрочем, я обзавелся кое-каким набором посуды, добротным одеялом, пластинками и прочими мелочами, способными хоть как-то скрашивать будничную жизнь и придать обстановке вокруг некое подобие комфорта.

Да уж, теперь парой коробок при переезде точно не обойдешься. Удивительная способность людей накапливать вокруг себя предметы, которым они сами же и придавали какое-то значение, чаще всего оборачивалась против них. Год-другой – и обнаружишь себя по уши в вещах, которые по большому счету не имеют *никакого смысла*. Весь этот хлам можно вынести на помойку за пару часов. Жаль, что нельзя так же легко избавиться от мусора в голове. С годами там, внутри, образовывается приличный торфяной слой из несбывшихся надежд, обид и предрассудков, с которыми практически ничего невозможно сделать. Разве только присыпать сверху счастливыми моментами и надеяться, что похороненные неприятности никогда не выйдут наружу.

Я сидел на балконе и рассеянно смотрел, как ветер треплет уже почти облетевшую яблоню под окном. Она без сожалений расставалась со своими прекрасными бледно-розовыми цветками, чтобы вступить в новую фазу своего ежегодного цикла. «Надо бы, наверное, уже и мне начать двигаться вперед», – подумал я, неспешно потягивая пиво и наблюдая за тем, как последние лепестки срываются с веток и безвольно уносятся куда-то вдаль, подхваченные резкими порывами ветра.

Спать я ложился в прекрасном расположении духа. Еще каких-то пару недель – и воздух в городе переменится на летний. Асфальт будет плавиться под ногами; пешеходные улицы будут заставлены тележками с мороженым и сладкой ватой; водители перестанут открывать окна и будут включать кондиционер на полную, пусть даже из-за этого им придется чаще заправляться; городские пляжи будут оккупированы жителями, с наслаждением подставляющим солнцу свою изрядно побледневшую за долгую зиму кожу; по пятницам на выезде из города будет образовываться многочасовая пробка из тех счастливиц, у кого есть загородный дом; по ночам из окон будет доноситься пьяный смех молодежи, беззаботно гуляющей до рассвета. Несмотря на одинаковые признаки летнего сезона, все-таки, из года в год он начинается по-разному. То резко, когда буквально за один день, воздух прогревается до тридцати градусов, то постепенно, давая возможность хоть как-то подготовиться к перепаду температур и запастись светлой хлопковой одеждой.

Как именно начнется лето в этом году – я не имел ни малейшего представления. Но лежа в кровати, и уже почти проваливаясь в сон, надеялся, что оно, как в принципе и оставшиеся месяцы этого високосного года, будет отличным. По крайней мере, у меня не было никаких причин думать, что к зиме все пойдет наперекосяк.

Лето

Назойливый звук становился все громче и громче. Сквозь утреннюю дрему я не мог различить его источник. Гул постепенно нарастал, словно откуда-то издалека в мою сторону несется стадо диких лошадей. Сонное сознание пыталось сопротивляться неизвестно откуда взявшемуся звуку, но тщетно. Мою голову будто сверлили дрелью с узким наконечником ну, или, на худой случай, проходились по ней шлифовальной машиной, которую мастера обычно используют для полировки досок.

Нехотя я разлепил глаза и, щурясь из-за лучей, пробивающихся сквозь светло-зеленые шторы, попытался найти источник разбудившего меня шума. Первая мысль, что пришла в мою еще не собравшуюся по кусочкам после долгого сна голову, была о том, что кто-то из соседей вновь затеял бесконечный ремонт. Я как мог напрягал слух, но звук был не похож на дрель, как мне показалось спросонья. Затем я подумал о холодильнике. Может быть, этот старичок, что достался мне с неплохой уценкой из-за царапины на двери (спасибо неаккуратным грузчикам), приказал долго жить и теперь гудит, как атомная станция? Я натянул белье, сваленное в кучу возле кровати, и побрел на кухню. Холодильник стоял как ни в чем не бывало и никаких непривычных звуков не издавал. Только побулькивал слегка, словно какое-то гигантское животное, которое переваривает пищу после знатного обеда. Значит, не холодильник. Но что тогда? Разбудивший меня звук продолжал разливаться по квартире, отражаясь от стен, и даже не думал прекращаться.

Я подошел к окну и, отодвинув занавески, нашел наконец-таки причину моего раннего подъема. Ею оказалась обычная газонокосилка. Рабочий в сером комбинезоне умело управлял этой машиной, словно то была не громадная машина, в долю секунды срезающая вертящейся на бешеной скорости леской всю траву подчистую, а какая-нибудь клюшка для гольфа. Он размашисто, но методично водил ею из стороны в сторону, не пропуская ни одного сантиметра газона. Знаете, всегда приятно наблюдать за человеком, исправно делающим свою работу. Пусть даже этот человек – газонокосильщик, а время – чуть больше семи утра. Он заметил мою голову в окне и выключил свою жужжащую, словно рой шершней, машину.

– Ох, простите, сэр, я вас разбудил? – спросил он, вытирая пот со лба тыльной стороной зеленоватой от травы ладони.

– Да не то чтобы, – мне хотелось съязвить, но я сдержался, – просто не каждое утро начинается с шума газонокосилки.

– Таковы уж мои обязанности. Трава-то вон какая вымахала! Вот и приходится кому-то ее косить, вы ведь понимаете?

– Понимаю, – поддакнул я ему.

А я ведь и правда понимал. Наверняка этот мужчина не по своей воле встал с утра пораньше и принялся шуметь так, словно на тысячу миль вокруг – никого. «Интересно, сколько же он получает за такую нехитрую работу?» – задумался я. Уж не миллионы гребет точно. Это было сразу видно по его одежде и по тому, как он вел себя. Обычный работяга, каких тысячи, а то и больше. Честно делают свою работу за такие же честные гроши. На жилье-еду хватает, да и ладно.

– Сегодня будет чудесный день, – сказал он, мечтательно устремив взгляд вверх.

Я тоже поднял глаза и посмотрел на голубое небо, раскинувшееся над городом. Его словно только что спустили с какого-то небесного конвейера. Только вот облаков наштамповать забыли. Кто знает, может обычный небесный работяга, что отвечает за облака, сегодня немного приболел и взял отгул. Мол, проживут денек-другой без туч там, внизу, чай не обида. Обижаться было не на что – утро и правда выглядело многообещающе.

– И то верно, – ответил я.

Еще пару минут мы любовались ярко-голубым небом и, козырнув друг другу на армейский манер, вернулись каждый к своим делам. Он – к стрижке газона, я – к размышлениям о том, как бы провести этот неожиданно рано начавшийся день.

Ложиться обратно в постель не хотелось, хотя та ждала меня, стыдливо прикрываясь смятыми подушкой и одеялом. Чтобы не поддаваться соблазну лечь голым телом на прохладную простынь и забыться сном, я решил постирать белье. Если закинуть его в машинку прямо сейчас, то к вечеру оно будет уже сухим. Несомненный плюс лета – так это то, что свежестыранная одежда сохнет на солнце в разы быстрее, чем промозглой осенью, когда воздух насквозь пропитан сыростью и гниющей травой. Я аккуратно, словно раздевая женщину, снял с подушки светло-голубую наволочку. Пришлось немного повозиться, чтобы достать одеяло, но зато белая простыня поддалась гораздо легче: я сдернул ее с кровати одним махом, словно фокусник – скатерть со стола. Теперь постель выглядела уж совсем одиноко. Я накинул сверху покрывало, чтобы не оставлять ее вот так, вероломно раздетую, сгреб в охапку постельное белье (кстати, единственный комплект, который у меня был), загрузил его в стиральную машину и нажал на кнопку. Автомат отозвался радостным писком. Что ни говори, а всем хочется быть при деле. Даже стиральной машинке. Казалось бы, вроде, обычный предмет бытовой техники, но и та будто радуется, когда настает время загрузки белья и бодро совершает один оборот за другим, ни разу не сетуя на судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.